

временемъ его учебной дѣятельности. Въ это время онъ преподавалъ философію подѣ названіемъ «философіи природы» по собственнымъ своимъ запискамъ. Въ своихъ лекціяхъ онъ развивалъ ту мысль, что въ природѣ есть нѣчто особенное, которое онъ называлъ «жизнью природы». Конечно, не только нынѣ, но и въ то время система Карпова не могла выдержать серьезной критики. Онъ очень неудовлетворительно зналъ вообще всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, даже физику; и свою теорію мірозданія строилъ, по тогдашнему обычаю, изъ идеи а priori, не очень заботясь о томъ, согласна ли она съ тѣми фактами, съ которыми ознакомило людей естествознаніе. Напр., по своей теоріи, изъ своей идеи онъ логически выводилъ заключеніе, что по мѣрѣ углубленія внутрь земного шара теплота уменьшается болѣе и болѣе. И когда студенты, слушавшіе физику, возразили, что на основаніи вполне доказанныхъ явленій теплота ниже поверхности земной увеличивается и что, по мнѣнію, принятому въ то время знаменитѣйшими естествоиспытателями, не очень въ далекомъ разстояніи подѣ поверхностью земли господствуетъ не холодъ, а такое тепло, отъ котораго все должно находиться въ раскаленномъ и даже въ расплавленномъ состояніи,—то Карповъ никакъ не хотѣлъ этому повѣрить, счелъ за вужное объяснитьсь съ наставникомъ физики, на какомъ основаніи онъ осмѣливается утверждать, что внутри земного шара съ удаленіемъ отъ его поверхности не холодъ, а теплота постоянно увеличиваются. Объясненіе отличалось даже горячностью. Выслушавъ объясненіе, Карповъ все-таки не хотѣлъ вѣрить фактамъ, которые не согласовались съ его «жизнью природы», попросилъ у наставника лучшихъ тогдашнихъ иностранныхъ руководствъ въ физикѣ, метеорологіи и физической географіи и прочитавши то, что его въ нихъ интересовало, все-таки не очень повѣрилъ опыту. При всемъ томъ Карповъ въ то время весьма интересовалъ студентовъ своими философскими лекціями. Онъ былъ тогда въ пѣтущемъ возрастѣ, вѣрилъ въ непогрѣшимость своей «философіи природы», съ воодушевленіемъ, даже съ энтузіазмомъ старался передать свою вѣру студентамъ, излагалъ свои мысли въ довольно строгомъ логическомъ порядкѣ, сообщалъ много интересныхъ свѣдѣній и, главное, расшевеливалъ любознательность слушателей, заставлялъ ихъ размышлять. Въ этомъ отношеніи даже недостатокъ ясности если и не служилъ въ пользу студентовъ, то по крайней мѣрѣ многимъ изъ нихъ нравился. Напр., одинъ изъ нихъ, сравнивая Карпова съ другимъ наставникомъ академіи, говорилъ о послѣднемъ: «что это за наставникъ? у него на лек-